

DOI <https://doi.org/10.30525/2592-8813-2021-2-21>

СЕМИОСФЕРА БРОДВЕЯ В НОСТАЛЬГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕРЫ ЗУБАРЕВОЙ

Светлана Фокина,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры общего и славянского литературоведения, докторант

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

ORCID ID: 0000-0002-2406-0978

svetlana_fokina@ukr.net

Аннотация. Лирику В. Зубаревой отличает внимание к семиосфере современного места жительства, к примеру к топографии Нью-Йорка, и вместе с тем диалог с традициями русской литературы. Выбор Бродвея в качестве объекта поэтической рефлексии на подтекстовом уровне задает отсылки к И. Бродскому. Текст «бродвейского» стихотворения В. Зубаревой коррелирует с метаморфозами Нью-Йорка – крупнейшего города эмигрантов, такой ракурс позволяет актуализировать мотивы судеб римского поэта-изгнанника Овидия и его своеобразного «наследника» И. Бродского. В поэтическом решении В. Зубаревой бродвейский сюжет эксплицирует трикстерское начало и дух трансформаций и метаморфоз. В ходе метаморфоз, воссоздающих нью-йоркскую фантазмагорию, театральными подмостками оказывается сам город. В стихотворении реализуется поэтическая линия с установкой на эксперимент, объединяющая факторы влияния раннего русского авангарда и поэтического наследия И. Бродского на «бродвейский текст» В. Зубаревой. Ностальгический дискурс автора как поэта-эмигранта модифицирует семиосферу Бродвея.

Ключевые слова: семиосфера Бродвея, Нью-Йорк, ностальгический дискурс, поэт-эмигрант, метаморфозы, мистерия, Бродский, Овидий.

BROADWAY SEMIOSPHERE IN NOSTALGIC DISCOURSE OF VERA ZUBAREVA

Svitlana Fokina,

Candidate of Philological Sciences,

Associate Professor at Department of General and Slavic Literature,

Doctoral Candidate

Odessa I.I. Mechnikov National University (Odessa, Ukraine)

ORCID ID: 0000-0002-2406-0978

svetlana_fokina@ukr.net

Abstract. Lyric of Vera Zubarev is distinguished by attention to the semiosphere of a modern place of residence, for example, to the topography of New York, and at the same time to dialogue with the traditions of Russian literature. The choice of Broadway as an object of poetic reflection sets references to J. Brodsky at the subtext level. The text of the “Broadway” poem by Vera Zubarev correlates with the metamorphoses of the largest city of emigrants New York, this angle allows you to update the motives of the fate of the Roman exile poet Ovid and his kind of “heir” J. Brodsky. The Broadway plot exposes the trickster beginning and the spirit of transformations and metamorphosis in the poetic decision of Vera Zubarev. The city itself turns out to be theatrical stage during the metamorphoses that recreate the New York phantasmagoria. In the poem a poetic line is being implemented with installation on the experiment, combining the factors of the influence of the early Russian avant-garde and the legacy of I. Brodsky on the “Broadway text” by Vera Zubarev. The Broadway semiosphere is modified due to the manifestation of the author’s nostalgic discourse as an emigrant poet.

Key words: Broadway semiosphere, New York, nostalgic discourse, emigrant poet, metamorphoses, mystery, Brodsky, Ovid.

Введение. Избранный ракурс исследования обусловлен интересом современного литературоведения к осмыслению вех развития эмигрантологии и своеобразия современной поэтической культуры, которая развивается в XXI веке. Постановка проблемы данной статьи мотивирована несомненным вниманием сегодняшней литературоведческой мысли к ностальгическому дискурсу современных русских поэтов-эмигрантов. **Ситуация изученности** лирики русских поэтов-эмигрантов конца XX – начала XXI века представляется открытой и неоднозначной. Несомненно, накоплен огромный исследовательский багаж в осмыслении и интерпретации текстов И. Бродского, которые стали своего рода эталоном современной эмигрантской лирики. Но остается вне необходимого внимания литературоведов фактор диалога с И. Бродским современных поэтов-эмигрантов, в частности В. Зубаревой. Реализация поставленной цели – осмыслить «бродвейский сегмент» зубаревского нью-йоркского текста – связана с необходимостью применения системного подхода, включающего взаимодействие элементов семиотического (Ю. Лотман, М. Липовецкий, Ю. Щеглов), культурологического (С. Бойм, А. ванн Геннеп, М. Хренов), контекстуального (Л. Панн, И. Дуардович) и эмигрантологического (К. Ичин, Я. Клоц, О. Матич) подходов и метода интерпретации авангардного текста (Ю. Гирин, Н. Злыднева, Е. Тыришкина).

Постановка проблемы. Современная литературная ситуация и связанные с ее изучением исследовательские поиски не утрачивают интереса к феномену поэта-эмигранта. Представляется перспективным изучение проявления в сегодняшней поэтической диаспоре ностальгического дискурса как показателя лиминальности семиотического статуса эмигранта. Эквивалентом такой пограничности становится амбивалентность взгляда на мир и в соответствии с этим порождение того или иного лирического сюжета. Для эмигранта характерны освоение поэтическим сознанием новой среды и стремление постигнуть знаковые реалии, включив их в свое творчество. При этом активация ностальгического дискурса стимулирует обращенность к своим корням, обнажая архетипический пласт картины мира и ориентированность на определенный литературный опыт предшественников. В этом плане показательно творчество самобытного современного поэта, председателя русских литераторов Америки – Веры Зубаревой. Если обращенное к воспоминаниям о родной Одессе «стихотворение В. Зубаревой «Мне снится возвращение домой <...>» проникнуто чувством ностальгии (*Всплывет как ностальгирующий опыт?*) <...>» (Фокина, 2021: 519), где Одесса соответствует модели покинутого Рая, то зубаревский нью-йоркский текст являет меланхолическую окрашенность бытия в восприятии поэта-эмигранта и ностальгика. Лирику В. Зубаревой отличает внимание к семиосфере сегодняшнего места жительства, к примеру к топографии Нью-Йорка, и вместе с тем диалог с традициями русской литературы. В данном плане показательно стихотворение В. Зубаревой, раскрывающее тему Бродвея.

*Час пик накатывает на Бродвей.
Яблоко солнца с червяком самолета в срезе
Плавит мобильники у шизофреников в голове,
Вызывая перебои в сервисе.*

*Каждый разговаривает сам с собой.
Спутник-стукач все разносит поспешно.
Монологи, звучащие наперебой,
Складываются в диалог городских сумасшедших.*

*Костюмы движутся по направлению к метро.
Мыши со звоном бросаются врассыпную.*

*Их потертое серебро
Боязливо закатывается под стулья.*

*Салфетка парусника пересекает канал.
Огрызок солнца уносится водами.
Рестораны ожили. Где-то маяк заикал,
И аист откликнулся:
– Кушать подано!*

Основная часть. Внимание В. Зубаревой, проявленное в стихотворении «Час пик накатывает на Бродвей <...>» к легендарному театральному пространству Нью-Йорка, способствует актуализации ряда смыслов, связанных с кодами лицедейства, метаморфоз и даже мистерии. Лирический сюжет последовательно реализует поэтическую визию современного Вавилона, как и мифологический прототип, являющего идею «языковой <...> разобщенности людей» (Левин, 1991: 207), и проникнутого духом эсхатологии. Бродвей предстает в предчувствии брэнности и даже гибельности современного мира.

Специфику ностальгического сознания определяет установка на высокую степень диалогичности при размытом образе адресата. Согласно С. Бойм, «ностальгирующий человек ищет духовного адресата. Сталкиваясь с молчанием, он пытается отыскать знаки памяти, делая отчаянные ошибки в попытке их прочесть» (Бойм, 2019: 40). Значимость для ностальгика вариаций сюжета «изгнания из Рая» высвечивает не только фантазийный модус, но также мифогенный и автометаописательный ракурсы ностальгического дискурса.

Выбор Бродвея в качестве объекта поэтической рефлексии на подтекстовом уровне задает отсылки к И. Бродскому. Показательно акцентирование В. Зубаревой определяющего бродковского авторитета для современной русской лирики: «Кто действительно кардинально повлиял на поэтический строй русской поэзии, был Бродский» (Все что <...>, 2019: 187). Данный комментарий способствует расширению ракурса бродвейской темы в лирике В. Зубаревой, задавая имплицитные коды присутствия в лирическом сюжете знакового поэта-эмигранта и укоренившегося жителя Нью-Йорка – И. Бродского. С. Волков в одном из своих интервью с поэтом отозвался о Бродвее – месте жительства И. Бродского, как о «фешенебельном, с богемным оттенком районе» (Волков, 2000: 167). Вписанность биографии И. Бродского в семиосферу Бродвея реализует ситуацию, очерченную Ю. Лотманом, когда «реальное пространство становится иконическим образом» (Лотман, 2004: 320), выражая «разнообразные внепространственные значения» (Лотман, 2004: 320). Подобный ракурс открывает для обращающихся к бродвейской теме современных поэтов-эмигрантов потенциальный диалог с выдающимся предшественником – И. Бродским.

Говоря о своеобразии нью-йоркского пространства, Я. Клоц обозначает «проклятый вопрос» русской эмигрантской поэзии: «<...> почему так мало стихов о Нью-Йорке, надо сказать, что их почти нет и у Бродского, жившего здесь без малого 20 лет» (Клоц, 2017: 9). Все же, осмысляя немногочисленные «нью-йоркские» бродсковские стихи – их всего 4: два на русском языке, два на английском, Я. Клоц отмечает две важные закономерности в бродсковском наброске нью-йоркского текста. Город определяют его гигантский масштаб и тенденция метаморфоз. По словам Я. Клоца, в бродсковском решении нью-йоркской темы «звучат мотивы болезни и несоразмерности человека масштабам гигантского города <...>» (Клоц, 2017: 10). Сам И. Бродский говорил в беседе с С. Волковым о невозможности охвата всего Нью-Йорка поэтическим словом, так как «<...> естественным путем Нью-Йорк в стихи <...> не вписывается» (Волков, 2000: 170).

Согласно Л. Панн – соавтора термина «гудзонская нота», «Бродский говорил, разумеется, о поэтических удачах <...>» (Панн). Л. Панн предлагает рассматривать в качестве такой удачи *Большое Яблоко* Д. Бобышева и считать его зарождением нью-йоркского мифа в русской эмигрантской поэзии. Так в интерпретации Д. Бобышева лирический сюжет о сердце Нью-Йорка Манхэттене развивается как «покалипсический миф о городе гедонизма, обреченного на гибель» (Панн). Для бобышевского поэтического решения показательны библейские коды и идея того, что «животное в человеке особенно стимулируется обществом потребления» (Панн). В. Зубарева в рамках ностальгического дискурса переосмысляет как библейский контекст, так и бестиарные смыслы. Подчеркивая значение И. Бродского для современной поэзии, В. Зубарева в своем постижении нью-йоркского топоса и, в частности, Манхэттена учитывает и манхэттенскую поэтическую модель А. Бобышева. В семиотическом плане подобное совмещение бродсковского и бобышевского взглядов на мировой мегаполис эквивалентно пестроте, многоплановости и карнавальности бродвейского пространства, а шире – и Нью-Йорка в целом.

И. Бродский являет своим жизненным и поэтическим опытом важное звено потенциальной преемственности не только бродвейского, но и нью-йоркского мифа овидиевскому наследию. В нью-йоркских бродсковских стихах чувствуется фантазмагоричность атмосферы города. По словам Я. Клоца, «детали нью-йоркской реальности утрируются <...>, нужен новый Овидий, чтобы описать эти метаморфозы <...>» (Клоц, 2017: 10). В данном плане знаковы две овидиевские ипостаси: автор поэмы *Метаморфозы* и легендарный поэт, завершивший свои дни вдали от Рима в ссылке. О. Матич отмечает, что «в классической литературной традиции образцовый экспатриант – Овидий <...>» (Матич, 1996: 158). Несомненно, Овидий занимает важное место в эмигрантской мифологии, задавая прототипические ориентиры для лирического дискурса, стратегий поведения и даже мировосприятия. С точки зрения И. Дуардовича, «в эмиграции творчество должно как-то преображаться, видоизменяться, обогащаться новыми образами и идеями» (Дуардович, 2015). Овидиевский контекст акцентирует идею, что для эмигранта, особенно поэта-эмигранта, различные превращения и трансформации становятся соприсродными.

Овидий соответствует прототипу поэта-изгнанника, что не раз было обыграно при осмыслении вех своей эмиграции в бродсковском лирическом дискурсе. По меткому замечанию К. Ичин, отношение «Овидия к собственному горю» изгнания соответствует «в мифопоэтическом плане <...> ситуации живого мертвеца, к которой примыкает и ироник Бродский <...>» (Ичин, 1997). В восприятии современников и последователей вышеуказанной поэтической линии сам И. Бродский в определенном смысле становится новым Овидием, воплощающим своей судьбой и творчеством эмиграционный статус и множественные метаморфозы.

В текст «бродвейского» стихотворения В. Зубаревой в соотнесении с метаморфозами Нью-Йорка – крупнейшего города эмигрантов, включаются мотивы судеб римского поэта-изгнанника и его своеобразного «наследника» И. Бродского. Зубаревский лирический сюжет в определенном смысле усваивает принципы овидиевской поэтики, где проявлена «стихия парадокса и фокуса» (Щеглов, 2002: 105). Преемственность И. Бродский / Овидий, которая вполне может дополняться фаустианскими аллюзиями, несомненно дорога для В. Зубаревой и представляет глубинные смыслопорождающие слои лирического сюжета. В данном аспекте сама В. Зубарева, следуя завету И. Бродского, становится «новым Овидием», описывающим Нью-Йорк и его метаморфозы.

Автор предисловия к книге стихов В. Зубаревой «Тень города, или Эм цэ в круге» – Д. Чкония, верно отмечает, что явленный «образ Города <...> звучит сквозной темой книги, внушает тревогу, напоминает о жизненной драме, о трагедийности жизненного пути <...>» (Чкония, 2016: 10). Эсхатология, ощущаемая Верой Зубаревой как поэтом-эмигрантом, в дионисийском ключе обнажает мистериальность бродсвейского действия, его архетипический характер и закономерность проявления апокалиптической эстетики.

В анализируемом стихотворении В. Зубаревой на уровне моделируемой экспрессии безумия проявлен диалог с авангардом. По свидетельству Е. Тырышкиной, ранний русский авангард «снимает оппозицию материи и духа <...>» и наделяет материю способностью быть «источником трансцендентного» (Тырышкина, 2001: 319). По словам самой В. Зубаревой, «русская литература и русский писатель нацелены на Иное» (Зубарева, 2014). Такой ракурс подразумевает оптику сакрального при взгляде на мир и место человека в нем. Приведенный выше комментарий высвечивает авторский приоритет в области именно духа.

При высокой степени лиричности поэтического дискурса В. Зубаревой ей, поэту-эмигранту, чей взгляд ориентирован на противоречивость мира и человека в нем, и непосредственно как самобытному автору также присущи ироничность и тенденция внимания к потенциальному семиотическому взрыву. По наблюдению В. Китика, зубаревская «сатирическая манера, намеки и гротески, ирония, порой доходящая до колкого укора, и комическая парадоксальность образов перерастают в проблему дальнейшей выживаемости, напрямую зависящей от культурного уровня общества» (Китик, 2021: 233). Интерпретация В. Зубаревой утраты ориентиров человеком в эсхатологической атмосфере Нью-Йорка эксплицируется с помощью топонимики легендарного театрального Бродвея.

Результаты и их обсуждение. Лирический сюжет фиксирует час пик – время заката, актуализируя различные трансформации солнечной символики и солярной мифологии. Закат солнца благодаря особому явлению – Манхэттенхендж – предстает своего рода мистерией, в которой ««мертвые» возродились при свете «истинного дня»» (Геннеп, 1999: 90). Возникающий в стихотворении хаос фиксирует «временную отмену всех норм и границ» (Хренов, 2002: 292), передавая дух театрализации, связанной с темой Бродвея. В ходе метаморфоз, воссоздающих нью-йоркскую фантасмагорию, театральными подмостками оказывается сам город. Зубаревское *Яблоко солнца с червяком самолета в срезе* не только обыгрывает эмблематику бренда Apple, но и расширяет ассоциативный ряд текста до архетипических слоев. По наблюдению Н. Злыдневой, «в мифологической картине мира *солнце* и *глаз* эквивалентны» (Злыднева, 2013: 124). Семантический ряд *яблоко солнца, плавит, огрызок солнца* центрирует солярный и зрительный коды зубаревского стихотворения, воссоздавая убывание светила, что может подразумевать и ослепление. Для авангардной картины мира показателен образ черного солнца, включающий топику «мира мертвых, видящих, но не узнающих друг друга людей <...>» (Злыднева, 2013: 124). В зубаревском стихотворении *яблоко солнца* эксплицирует символический потенциал запретного плода с Древа познания, а червь заменяет Змия-искусителя. К данной смысловой парадигме подключается номинация Нью-Йорка – *Большое яблоко*, ассоциативно возникает образ глазного яблока, а шире – Божьего глаза над городом, или же, учитывая inferнальный контекст, ока лукавого.

В бродвейском тексте В. Зубаревой солнце явлено в зените, а его закат предстает порчей от поедания червяком. Коды разрушения, приносимого падением светила (расплавленность, сумасшествие, обезличность, пожирание), способствуют inferнализации пространства. При этом ностальгический дискурс, соответствуя меланхолическому модусу сознания, в то же время актуализирует смысловой комплекс возрождения. По наблюдению Ю. Гирина, еще в раннем русском авангарде «танатологический код включал в себя компоненты героизма, мученичества, жертвенничества, трансцендентности, *иммортализма*» (Гирин, 2013: 177). Подобная парадигма, коррелирующая с солярными кодами и различными модификациями «икарийского комплекса», активизирует смысловые пласты, на разных уровнях обозначающие символический переход от смерти к воскресению и бессмертию.

Выводы. При множественных соответствиях авангардной эстетике поэтического текста В. Зубаревой проявлены и тенденции, связанные с классической парадигмой. В зубаревском

бродвейском мифе сохранена архетипическая бинарность в познании мира. Так, вечер, опускающийся на город, обыгрывает мифологический дуализм: день / ночь, свет / тьма, сакральное / inferнальное. В то же время бродвейская тема метаморфоз, несомненно, ориентирована на совмещение противоречий и даже взаимоисключающих черт, реализуя трикстерскую «способность пересекать границы и создавать монструозные гибриды» (Липовецкий, 2019: 290). Решение центрального нью-йоркского топоса как пространства спектакля, обыгрывает не только тему театрального Бродвея. Такой ракурс акцентирует трикстерское мироощущение, во многом потенциально присущее эмигрантам, ментально находящимся в лиминальной зоне.

References:

1. Boim S. (2019). *Budushhee nostalgii* [The future of nostalgia]. Moscow: NLO [in Russian].
2. Volkov S. (2000). *Dialogi s Iosifom Brodskim* [Dialogues with Joseph Brodsky]. Moscow: *Nezavisimaya Gazeta* [in Russian].
3. Vse chto est' u menja, – moj jazyk: kruglyj stol [All I have is my language: a round table]. (2019). *Neva*. № 4. Pp. 182–196 [in Russian].
4. Gennep A., van. (1999). *Obrjady perehoda. Sistematischeskoe izuchenie obrjadov* [Rites of transition. Systematic study of rites]. Moscow: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences [in Russian].
5. Girin Yu. (2013). *Kartina mira jepohi avangarda. Avangard kak sistemnaja celostnost'* [Picture of the world of the avant-garde era. Avant-garde as systemic integrity]. Moscow: IMLI RAN [in Russian].
6. Duardovich I. (2015). *Amerikanskaja mechta russkogo pojeta* [American dream of a Russian poet]. *Arion*. Issue. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/arion/2015/2/amerikanskaya-mechta-russkogo-poeta.html> [in Russian].
7. Zlydneva N. (2013). *Vizual'nyj narrativ: opyt mifopojeticheskogo prochtenija* [Visual narrative: experience of mythopoietic reading]. Moscow: Indrik [in Russian].
8. Zubareva V. (2014). *Russkoe bezrubezh'e. Polemicheskie zametki* [Russian frontier. Polemic notes]. *Friendship of the Peoples*. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2014/5/russkoe-bezrubezhe.html> [in Russian].
9. Ichin K. (1997). *Brodskij i Ovidij* [Brodsky and Ovid]. *Literature of the third wave of Russian emigration*. URL: http://netrover.narod.ru/lit3wave/4_4.htm [in Russian].
10. Kitik V. (2021). *A potom – t'ma – formula obratnogo dvizhenija* [And then – darkness – the formula of the reverse movement]. *Neva*. № 1. Pp. 232–234 [in Russian].
11. Klotz J. (2017). *Pojety v N'ju-Jorke. O gorode, jazyke, diaspore* [Poets in New York. About the city, language, diaspora]. Moscow: NLO [in Russian].
12. Levin I. (1991). *Vavilonskaja bashnja. Mify narodov mira: v 2. t. T. 1: A – K* [Babylonian Tower. *Myths of the peoples of the world: in 2. vols. Vol. 1: A – K*]. Moscow: Soviet Encyclopedia. Pp. 206–207 [in Russian].
13. Lipovetsky M. (2019). *Dva trikstera: Abram Terc vs D.A.P. Jenergija krizisa* [Two tricksters: Abram Terts vs D.A.P. *Energy of the crisis*]. Moscow: NLO. Pp. 289–319 [in Russian].
14. Lotman Yu. (2004). *Vnutri mysljashhiv mirov. Semiosfera* [Inside thinking worlds. *Semiosphere*]. St. Petersburg: *Iskusstvo – SPB*. Pp. 150–390 [in Russian].
15. Matic O. (1996). *Diaspora kak ostranenie (russkaja literatura v jemigracii)*. *Russian Studies: Ezhekvartal'nik russkoj filologii i kul'tury* [Diaspora as an exile (Russian literature in exile). *Russian Studies: Quarterly of Russian philology and culture*]. St. Petersburg. Vol. 2. № 2. Pp. 158–179 [in Russian].
16. Pann L. (2002). *Formula Bobysheva-Brodskogo. Letnie razmyshlenija o n'ju-jorckskoj teme v russkoj poezii* [Bobyshev-Brodsky Formula. Summer reflections on the New York topic in Russian poetry]. URL: <http://www.vavilon.ru/diary/020815.html> [in Russian].

17. Tyryshkina E. (2001). Source of inspiration in the Russian literary avant-garde (1910–1920's) *Russian Literature*. № 50. Pp. 319–333.
18. Fokina S. (2021). Diskursivnye konteksty obraza Odisseja-nostal'gika [Discursive contexts of the image of Odysseus-nostalgic]. *Slavia orientalis*. T. LXX. № 3. Pp. 507–521 [in Russian].
19. Khrenov N. (2002). Kul'tura v jepohu social'nogo haosa [Culture in the era of social chaos]. Moscow: Editorial URSS [in Russian].
20. Chkonia D. (2016). K morskim glubinam tjanetsja dusha: predislovie [A soul stretches to the sea depths: a preface]. *Zubareva V. Ten' goroda, ili Jem ce v kruge: stih i pojemy raznyh let [Shadow of the city, or Em tse in the circle: poems and poems of different years]*. Idyllwild: Charles Schlacks. Pp. 7–11 [in Russian].
21. Shcheglov Yu. (2002). Opyt o "Metamorfozah" [Experience on "Metamorphoses"]. St. Petersburg: Hyperion [in Russian].